

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. МОСКВА — КОЛОМЫЯ	5
Глава 2. КОЛОМЫЯ	12
Глава 3. КОЛОМЫЯ	20
Глава 4. КОЛОМЫЯ — КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКИЙ	27
Глава 5. В ПОЕЗДЕ.....	34
Глава 6. КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКИЙ	46
Глава 7. КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКИЙ — БЕРДИЧЕВ	53
Глава 8. В ПОЕЗДЕ.....	60
Глава 9. БЕРДИЧЕВ.....	67
Глава 10. БЕРДИЧЕВ	74
Глава 11. БЕРДИЧЕВ	81
Глава 12. БЕРДИЧЕВ	94
Глава 13. БЕРДИЧЕВ — МОГИЛЁВ	101
Глава 14. В ПОЕЗДЕ	108
Глава 15. МОГИЛЁВ.....	115
Глава 16. МОГИЛЁВ.....	122
Глава 17. МОГИЛЁВ — ПЕТРОГРАД.....	129
Глава 18. ПЕТРОГРАД.....	140
Глава 19. ПЕТРОГРАД.....	147
Глава 20. В ПОЕЗДЕ	154

Глава 21. МОГИЛЁВ.....	161
Глава 22. МОГИЛЁВ – ПЕТРОГРАД.....	168
Глава 23. ПЕТРОГРАД.....	179
Глава 24. ПЕТРОГРАД.....	186
Глава 25. ПЕТРОГРАД – МОСКВА.....	194
Глава 26. МОСКВА.....	201
Глава 27. МОСКВА.....	208
Глава 28. МОСКВА.....	224
Глава 29. МОСКВА – МОГИЛЁВ.....	231
Глава 30. МОГИЛЁВ.....	237
Глава 31. МОГИЛЁВ – ПСКОВ.....	244
Глава 32. ПСКОВ – РИГА.....	256
Глава 33. РИГА	263
Глава 34. РИГА	270
Глава 35. РИГА	277
Глава 36. РИГА	283
Глава 37. РИГА	294
Глава 38. РИГА – ИКСКЮЛЬ – ФРИДРИХШТАДТ	301
Глава 39. РИГА – ИКСКЮЛЬ	308
Глава 40. РИГА	314
Глава 41. РИГА – ПСКОВ.....	321
Глава 42. ПСКОВ.....	328
Глава 43. ПСКОВ – ЛУГА.....	335
Глава 44. ЛУГА – ПЕТРОГРАД.....	342

Глава 1

МОСКВА — КОЛОМЫЯ

— Ваше высокопревосходительство, это катастрофа! Фронт прорван, одиннадцатая армия бежит!

Один из главных ястребов российской политики сидел за столом с закрытыми глазами, потирая лоб и массируя веки, и пропустил мимо ушей необычное обращение, зацепившись за последнюю фразу.

Фронт не могли прорвать. Никак. Даже с натовскими инструкторами, наёмниками и добровольцами живой силы не хватило бы, чтобы преодолеть все минные поля, заграждения и линии обороны. И при чём тут 11-я армия? Она вообще базируется на Дальнем Востоке, за тысячи километров от фронта.

Это что, какая-то глупая шутка? На совещании Совбеза?

Он открыл глаза. Вместо Сенатского дворца он очутился в каком-то узком кабинете, отделанном под старину, а вместо десятка чиновников в дорогих костюмах перед ним стоял какой-то

молодой офицерик в форме Русской императорской армии, вытянувшись по стойке смирно. Дверь позади него была открыта, виднелся коридор, из которого доносился топот каблуков и стрёкот печатных машинок.

В тщетной надежде, что всё это только галлюцинация, он зажмурил глаза, ожидая, что когда он их откроет, то снова увидит опостылевшие раскормленные рожи подчинённых, но это не помогло. Офицер стоял, ожидая хоть какой-то реакции.

— Ещё раз, — попросил он. — Оценки и эмоции можете оставить при себе.

— Срочная телеграмма из штаба 11-й армии. Германцы прорвали фронт в направлении Тарнополь, солдаты бегут, — доложил офицер.

Человек за столом вздохнул, прикрывая лицо рукой. На столе перед ним аккуратными стопочками лежали документы и карты, и на глаза ему попался один из приказов, но внимание привлекло не содержимое приказа, а подпись под ним. Подпись гласила: «Командующій армією генераль-отъ-инфантеріи КОРНИЛОВЪ, Начальникъ Штаба Верцинскій».

Он почувствовал, как к горлу подступает тошнота, голова закружилась, и он ухватился за край стола, чтобы не упасть. Дата на приказе не оставляла никаких сомнений, что он попал в самую глубокую задницу, в какую только можно было попасть. 6 июля 1917 года.

— Ваше высокопревосходительство! — забеспокоился офицер, по-своему поняв такую реак-

цию, но человек махнул рукой, что помощь не требуется и всё в порядке.

Он поднялся из-за стола и прошёл к закрытому окну. В отражении мелькнуло знакомое по учебникам истории лицо с характерными монголоидными чертами. Вытянутое лицо, узкий нос, широкие скулы, небольшая бородка с редкой проседью. Корнилов, Лавр Георгиевич. Других вариантов быть не могло. Ощущение ирреальности происходящего не покидало ни на секунду, голова продолжала болеть. Он распахнул окно, впуская в кабинет свежий июльский воздух, и сквозняк зашевелил бумаги на столе.

— Отступать запрещаю, — глухо произнёс он. — Можете идти.

Офицер лихо исполнил воинское приветствие, щёлкнул каблуками по паркету и вышел, а Корнилов, вернее тот, кто занял его место, принялся судорожно вспоминать всё, что знал про этот период.

А помнил он не так уж и много. Лето 1917 года — не самое лучшее время в истории страны, и обычно его стараются не вспоминать. Большевики вообще едва ли не вычеркнули его из официальной истории, ограничиваясь парой строчек в учебниках и акцентируя всё внимание на октябре и последующих событиях, а монархисты и правые всё больше мечтают о хрустящей булке, которая закончилась в феврале. В итоге глубиной познаний похвастаться не могли ни те, ни другие. Вот и он, будучи убеждённым центристом, знал только то, что нахватал по вершкам

от тех и других. Что там было? Керенский, Временное правительство, Ленин в шалаше, Корниловский мятеж, октябрьский переворот и начало Гражданской.

Он прислонился лбом к оконной раме, пытаясь хоть как-то привести мысли в порядок. Он слышал про подобное — книги и фильмы о попаданцах в стране весьма популярны, но читать их было просто некогда. Получается, из 2022-го его забросило в 1917 год, из огня да в полымя. Уж на что 2022 год выдался непростым, но по сравнению с 1917-м, да ещё и для белого генерала... Хотя до этого ещё далеко, никакими белыми тут и не пахнет. Значит, шансы пока есть, и весьма неплохие. Вот только нужно было выбрать, как поступить. Правильно или легко.

Лёгкий путь — примкнуть к красным в качестве военспеца, как это сделали, например, Брусилов или Бонч-Бруевич. Да, с риском рано или поздно попасть под репрессии, даже несмотря на крестьянское происхождение Корнилова, но это будет несомненно легче, чем повторять реальную историю. Однако идти к большевикам ему не хотелось. Он уже был когда-то членом КПСС, и повторять тяжёлый и извилистый путь красной империи значило снова танцевать на тех же граблях.

И был правильный путь, гораздо более трудный. Не допустить Гражданской войны и развала государства. Исправить историю, повернуть всё в правильное русло, сохранить миллионы жизней. Такой вариант нравился ему гораздо больше и даже воодушевлял, хоть он и понимал, сколь-

ко работы предстоит сделать, чтобы добраться до вершины власти и стать диктатором. Без верных людей не обойтись. Впрочем, такие обязательно найдутся среди тех же белых офицеров и генералов, умеренных социалистов или кадетов.

Корнилов закрыл окно, за которым виднелся какой-то провинциальный украинский городок. Иронично. Нет, теперь уже не будет всех этих геополитических ошибок и катастроф. Наступать на чужие грабли он не собирался.

Приказы и донесения на столе привлекли его внимание, и он вернулся на место. От бумажной волокиты никуда не деться, к сожалению. Тем более сейчас, за полвека до изобретения компьютеров. Он принялся разбирать документы, и от дореволюционной орфографии снова заболела голова.

Всё было в новинку, необычно и интересно. На должности командующего армией ему бывать ещё не приходилось.

Карта, похороненная под ворохом донесений, поведала, что восьмая армия Корнилова сумела не так давно прорвать фронт австро-германских войск, взять Станислав и выйти к Калушу, но соседние армии, которые должны были поддержать наступление, не продвинулись ни на шаг. И он догадывался, почему.

Армия разлагалась. Приказ № 1 фактически разрешил солдатам игнорировать любые приказы командования, а уговорами и просьбами в атаку никого не отправишь. Отдельные части ещё сохраняли боеспособность, особенно артиллерия,

но в целом русская армия напоминала живой труп, непонятно каким чудом удерживающийся на позициях. Агитация велась беспрерывно, митинги и собрания проходили едва ли не чаще, чем построения, и это была уже не армия, а вооружённая толпа. А толпа всегда идёт за самыми громкими и крикливыми, а офицеры такими не были. В итоге армия превратилась из сжатого крепкого кулака в вялую рыхлую ладошку, не способную даже на оплеуху, не то что на удар.

Он снова встал из-за стола и прошёлся по кабинету, разглядывая узоры на обоях, ореховый сервант и добротную старую мебель. Рай для антиквара, но сейчас это не антиквариат, а вполне себе современность. Он снова ущипнул себя за руку, тайком надеясь, что это всё-таки сон. Не помогло. Осознание того, что он тут, в чужом теле, на войне, про которую знал преступно мало, окатило, как холодный душ, но он быстро взял себя в руки.

Если попал, то значит, так было нужно. Богу, дьяволу, инопланетянам, не важно кому. Если есть шансы спасти Россию, то он должен приложить все усилия, и никак иначе. Корнилов быстро вернулся за стол, достал пустой листок, оказавшийся телеграфным бланком, взял карандаш. Сначала он решил выписать тех, кому явно не стоит доверять. Так было проще обдумать положение, и карандаш резво запорхал по бумаге.

Керенский, Савинков, Ленин, Чернов, Троцкий, генерал Брусилов, генерал Алексеев... Он споткнулся на очередной фамилии, карандаш

порвал тонкую бумагу, и Корнилов смял исписанный бланк в кулаке. Врагов набиралось гораздо больше, чем он мог предположить. И это не считая немцев, австрийцев и турок, с которыми Россия воевала. Их разведка шастала в войсках, как у себя дома, и точно так же на фронте шастали английские, французские, американские агенты под видом атташе, дипломатов, добровольцев и прочих авантюристов. С такими союзниками никаких врагов не надо. Его ненависть к ним вспыхнула с новой силой. Никогда ничего хорошего Россия от них не получала. Германцев, особенно нынешних, можно было хотя бы уважать как достойного противника, а вот союзнички... Ложь, лицемерие и запредельный цинизм сопровождали всё, к чему они прикасались.

И он не сомневался, что всё происходящее — их рук дело. Они всегда хотели смерти нам, России. И, пожалуй, в 1917 году у него гораздо больше шансов уничтожить всех этих ублюдков и вырождаков, по нелепой случайности или недомыслию императора заключивших сердечный союз с Россией, чтобы сильнее ударить в спину.